

«Я уйду от вас, но вы примете силу, когда Дух Святой сойдет на вас», — сказал Христос ученикам Своим перед Голгофой.

И вот, в день Пятидесятницы Дух Святой сошел на Апостолов, вошел как сила, проникающая всю внутреннюю жизнь, они стали причастниками Высшего Знания и привели ко Христу мир. В этот день реально, за пределами видимого мира, открылись глубины и величие мира невидимого. Со дня сего, видимые Духом Святым — Апостолы и их ученики святители, мученики, исповедники неустрашимо пошли в мир и склонили к стопам Христа и гений науки, и поэзию, и музыку, и скульптуру, и кисть художника. Им посвящен нынешний воскресный день. Собирая их вместе, их — взаимно связанных друг с другом одной Верой и единой Любовью ко Христу, хотя и принадлежавших разным расам и народам, разным сословиям, Церковь воспекает им общий гимн, возглашая: «Дивен Бог во святых Своих».

Нынешний день — день всех святых, во вселенной просиявших — это праздник всемирной Христовой Семьи. Ибо все Святые — в их духовном единстве — представляют собою, поистине, единое братство, одну великую Семью, в которой воедино слились со Христом и эллины и иудеи, и бедный и богатый, и царь и воин, и ученый и простец.

Этот вселенский, всемирный Сонм свидетельствует о том, что, вопреки утверждениям книжников современного мира, — христианство есть не отвлеченная философская система, что христианство и не теория мертвая, убивающая личность, подобно теориям социализма-марксизма, в основе которых лежат ложь и лицемерие, но что христианство есть сила животворная, которая проникает все существо человека, просвещая его ум, очищая сердце и направляя его волю к деятельности в сознании братства всех во Христе, в сознании ценности каждой личности человеческой и в сознании ответственности каждого за свои дела и поступки.

Во все времена во всей вселенной просиявшие, Святые свидетельствуют своей жизнью и о том, что мерилом достоинства человека являются не происхождение, не общественное или имущественное положение, не иные внешние различия людей, а мотивы чисто нравственные, вытекающие из веры и верности Христу, вытекающие из принятия жизни, как служения высшим ценностям — Богу и человеку.

Эта великая, Церковью прославляемая, всемирная семья или, лучше сказать: всемирное христово братство, свидетельствует и о том, что при внешнем

физическом рабстве можно достигать внутреннего просветления, иначе говоря: что внешнее рабство вполне совместно с внутренней свободой нравственной. Для этого нужны лишь твердость христианских убеждений, твердость характера и внутреннее благочестие.

Итак, дорогие во Христе братья и сестры, приложим и мы усилие к усилию, чтобы на всех путях жизни сохранить свободу, быть свободными от грехов, от всякой скверны, да и чрез нас прославится в мире сем Имя Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя нашего и всего мира.

**Епископ Митрофан
(Зноско-Боровский)**

Святые Божии угодники очень разные. Очень непохожими бывают их образ жизни, их характер, их подвиги, а также те времена и страны, в которых они жили. Святой апостол Павел сравнивает святых со звездами на небе. Звезды на небе все разные: среди них есть более яркие, а есть менее яркие. Также и по цвету звезды различаются: они могут быть белыми, красными, голубыми или желтыми. Но хотя звезды и разные, хотя отличаются по цвету и яркости, однако все они утверждаются на одном и том же небе. Точно так же и святые, хотя и очень разные, но все пребывают на едином небе Божества.

Апостол Павел говорит, что звездочки небесные различаются по своей славе. Так же и святые: одни из них в большей степени, а другие в меньшей степени прославлены Богом. «Бывают большие и меньшие дары Божии, — говорит преподобный Исаак Сирский, — хотя

все они высоки и чудны, но один превосходит другой, и степень степени выше». Большую славу в Царстве Небесном имеют те, кто больше любил Бога здесь, во время земной жизни.

Или можно привести другое сравнение: святые подобны цветам в прекрасном саду. Ведь цветы также бывают очень разные: и по размеру, и по виду, и по цвету, и по аромату. Точно так же и святые: все они разные, но все пребывают в одном и том же небесном Божием саду.

Когда мы говорим о святых, то прежде всего нужно вспомнить, что и все мы, христиане, призваны прийти туда же, куда пришли они, то есть в Царствие Божие. Каждый из нас в свое время должен стать одной из небесных звездочек или одним из цветков в небесном райском саду. Ведь именно это и означает спастись и угодить Богу.

Как же нам прийти в Царствие Божие? А как святые туда пришли? Хотя святые и очень разные, однако у всех них есть одна общая черта: они любили Христа и свою жизнь посвятили тому, чтобы исполнить Его заповеди. Вот и мы должны посвятить этому свою жизнь, братья и сестры, и мы должны постараться исполнить в своей жизни заповеди Христовы. И учиться исполнять эти заповеди мы должны не у кого иного, как у самих святых. Для этого нам нужно узнать их поближе, завязать с ними общение. Ведь, по словам святителя Игнатия Брянчанинова, беседа и общество ближних сильно действуют на человека. Беседа и знакомство с ученым сообщает много сведений, с поэтом — много возвышенных мыслей и чувствований, с путешественником — много познаний о странах, о нравах и обычаях народных. Очевидно: беседа и знакомство со святыми сообщают святость.

Итак, нам непременно нужно, братья и сестры, подружиться со святыми. Как же можно приобрести их дружбу? Приобрести ее можно через чтение их житий и творений. Если мы читаем жития и творения святых, если стараемся по силе подражать им, то становимся близкими и единомышленными их друзьями, продолжателями их дела на земле. Если же мы будем единомышленными друзьями святых, то, несомненно, придем в свое время туда, где пребывают они, то есть на небо. Вот тогда каждый из нас и станет одним из прекрасных цветков в саду Небесного Царя, одной из вечных звездочек в Царстве Христа и Бога нашего.

Священник Иоанн Павлов

ЧЕМ ЗАНИМАЕТСЯ СОВРЕМЕННАЯ БИБЛЕИСТИКА?

Итак, классическая «библейская критика» кажется сегодня слишком прямолинейной и материалистичной, да и с христианской традицией она практически несовместима. Но библеистика существует и сегодня, ей занимаются в том числе и верующие. Что же они изучают и как они это делают? Существуют ли какие-то области диалога, пусть даже потенциального, между христианской верой и светскими исследованиями?

ОТ ПОЗИТИВИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ

Грубо говоря, именно по такому пути прошла библеистика в XX веке. Если в начале этого века многим исследователям казалось, что не за горами тот день, когда возникнет некое единое понимание библейского текста, выверенное новейшими научными методами, то на его исходе картина оказалась совсем иной. Библию, по сути, читает кто угодно как угодно, сверяя ее прочтение с собственными представлениями об этой книге и об окружающем мире. Можно сказать, что в середине века библеисты отказались от поиска реальности, стоявшей за текстом и обратились к самому тексту и даже к реальности (или виртуальности?), порождаемой этим текстом.

Одним из важнейших шагов в этом направлении стали выступления Р. Бульмана с его программой демифологизации. Библейский текст действительно часто излагает события на языке мифа и поэзии, а не современной науки (мы подробнее говорили об этом в 8-й главе). Библейская критика отбрасывала все подобные картины как вымысел, а Бульман предложил перевести их на язык логики и фактов. Выражение «десница Божия» — это на самом деле описание Божиего величия и всемогущества, и точно так же, сказал Бульман, ангелы и бесы — это на самом способ описать силы, действующие в человеческой душе.

Бульман был прав в том отношении, что библейский мифологический язык может и должен быть объектом изучения, при котором учитывалась бы его особая природа.

Однако исследовательная демифологизация не должна оставить в тексте ничего, что не соответствует современному рационалистическому взгляду — но тогда в нем не останется места ни поэзии, ни даже сколь-нибудь высоким абстракциям. Любое чудо, в том числе и Воскресение, тоже придется тогда понимать иносказательно: якобы Христос не воскресал, а всего лишь Его идеи оказались бессмертными. И от всего Нового Завета тогда останется лишь достаточно расплывчатое представление о том, «что Иисус значит лично для меня».

Идей Бульмана сегодня мало кто придерживается в чистом виде, но они способствовали рождению направления, которое принято называть новой герменевтикой. У ее истоков стоит понимание, что сегодня, в новом контексте и для нового читателя древний текст звучит не совсем так, как звучал он во время сво-

его создания. Толкователь не вправе ожидать, что текст подтвердит его собственные идеи или богословие его общины — текст должен заговорить сам по себе. Задача даже не в том, чтобы понять текст правильно, а скорее в том, чтобы понять его глубоко, творчески, индивидуально. Здесь, конечно, кроются и очевидные недостатки такого подхода — субъективизм и порой откровенный произвол толкователя, когда говорит не столько текст, сколько его собственное воображение.

Это направление можно считать частным проявлением постмодернизма — направлением мысли в гуманитарных науках, а также в искусстве и культуре в целом, стремящегося снять противоречия между традиционным и модернистским, общекультурным и индивидуальным. На смену строгому средневековому традиционализму и такому же строгому рационализму Нового времени приходит нечто значительно более гибкое, индивидуальное, лишенное всякой догматики (сказать точнее действительно трудно). Постмодернист принципиально отказывается от поиска единственно верного, объективного смысла текста, определяемого традицией или рациональным научным анализом; более того, он обычно отрицает само существование такого смысла.

Более консервативные современные толкователи, видящие в Библии слово Божие, часто не торопятся принимать установки постмодернизма, но настаивают на посткритическом подходе. Они не хотят признавать высший авторитет за методами библейской критики, хотя признают их относительную пользу в частных вопросах.

Верующий исследователь, с их точки зрения, не должен расчленять текст ради изучения его истории и предыстории, а познавать значение самого текста, в котором Бог говорит с человеком. Иногда такой подход называют еще и каноническим анализом, поскольку он имеет дело с канонической формой текста.

БИБЛЕЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Если библейская критика возникла, прежде всего, на основе истории, то в современной библеистике преобладают методы филологии, науки об анализе текстов, и, в меньшей степени, общественные дисциплины. Собственно, библейская филология по своей методике едва ли отличается от филологии вообще: точно так же она ставит своей целью исследование текстов. Мало кто сомневается, что можно изучать библейские языки с лингвистической точки зрения; исключение составляют разве что те ортодоксальные иудеи, которые видят в древнееврейском тот изначальный язык, на котором Бог общался с Адамом в раю. Однако до тех пор, пока в центре внимания не стоял сам библейский текст, современные лингвистические и филологические методы применялись к Библии крайне редко.

Надо отметить, что в области лите-

ратурного анализа достаточно высок авторитет работ, написанных на русском языке: от формалистов 1920-х гг., прежде всего М.М. Бахтина, и до структуралистов школы Ю.М. Лотмана. Одно из частных направлений литературного анализа — анализ нарративный, который занимается изучением повествовательных частей Писания (нарративов). Например, 38-я глава Бытия (история Иуды и его невестки Фамари) — очень странный эпизод, который не находит никакого соответствия в предшествующей и последующей главах Бытия, где повествуется об Иосифе и его братьях. Традиционная библейская критика обычно объявляла такие эпизоды случайными вставками, но внимательный анализ показывает нам, насколько тесно он связан с историей об Иосифе. Здесь читатель может при желании сам обратиться к тексту этой главы и постараться найти в ней какие-то соответствия с историей Иосифа...

На самом деле, это та же самая история. Иуда, некогда обманувший своего отца Иакова и лишивший его любимого сына (Иосифа), сам лишается двух сыновей и оказывается обманут. А Фамарь, как в дальнейшем Иосиф, избегает опасностей и, переодевшись, добывается от Иуды признания своей правоты — это только несколько звеньев из цепочки эпизодов с обманом и переодеванием в этой части книги Бытия. С другой стороны, вся эта глава останавливает внимание читателя на одном из ключевых моментов в истории Иосифа и подогревает читательские ожидания: чем же закончится эта захватывающая история? Может быть, с Иосифом произойдет нечто подобное тому, что случилось с Фамарью? Именно такие вещи и исследует нарративный анализ.

Отдельно стоит упомянуть, пожалуй, еще одно направление — сравнительный литературный анализ, т.е. сопоставление ветхозаветных текстов со сходными текстами из других древних культур (например, угаритскими и аккадскими), а текстов Нового Завета — с эллинистическими литературными памятниками. Такой анализ позволяет гораздо точнее понять значение отдельных выражений, фигур речи и эпизодов повествования.

ТЕКСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВО

Но тексты не существуют сами по себе — у каждого текста есть свой

автор и свой читатель/слушатель, живущий в определенном обществе. Древний мир нам не всегда доступен – зато сегодняшние читатели этого текста перед нами, и мы вполне можем проследить за их восприятием этого текста.

Одно из направлений этой герменевтики так и называется – анализ читательского восприятия. Как поймут этот текст люди иных культур и традиций? Например, американский миссионер Д. Ричардсон, работавший среди племен Новой Гвинеи, где процветал каннибализм, рассказывал, что напрямую донести до них смысл евангельского повествования оказалось практически невозможно. С их точки зрения, Иисус проиграл и всё потерял, а в выигрыше остался хитроумный Иуда. Чтобы передать смысл евангельского рассказа, Ричардсону пришлось прибегнуть к образу из традиционной культуры. Среди племени сави существовал обычай прекращать вражду следующим образом: люди одного поселения отдавали в другое поселение ребенка, которого называли «ребенком мира». Пока ребенок жив, оба поселения живут в мире, но если он умрет (даже от естественных причин) или будет убит, его родичи будут мстить тем, кто не смог сохранить ему жизнь. Ричардсон рассказал своим слушателям, что Бог дал людям Собственного Сына как «ребенка мира», а когда они убили Его, простил их. Такая проповедь действительно обратила многих аборигенов к вере во Христа.

С подобными вещами тесно связан социологический анализ. Отношения между отдельными людьми, равно как и религиозные идеи, должны рассматриваться в широком контексте социальной структуры общества, а Библия писалась в обществе, существенно отличающемся от нашего собственного. Одни и те же процессы, события, явления могут пониматься по-разному людьми разных культур (классический пример – язык жестов).

Например, сегодня, читая о сестрах Марфе и Марии, одна из которых хлопотала по хозяйству, а другая слушала Иисуса (Лк 10:38–42), мы склонны делать вывод, что Марфа поступила неправильно. Однако в том обществе поведение Марфы было единственно приемлемым для хозяйки дома: прежде всего следует позаботиться о гостях. Мария, сев у ног Христа, скандально нарушила обычай гостеприимства, и потому одобрение Христа было для всех полной неожиданностью. Вообще, нам многое станет яснее в Библии, если мы поймем, что большинство ее героев мало похожи на жителей современных больших городов с их свободным стилем жизни – скорее, они напоминают жителей аула в горах Кавказа: для них почти каждый жест значим, почти каждый шаг строго регламентирован традицией.

Еще один пример значимости культурного контекста – поведение священника и левита из притчи о милосердном самарянине (Лк 10:30–36). То, что они прошли мимо полуживого человека, современный читатель склонен объяснять их духовной черствостью. Однако на самом деле они боялись ритуального осквернения, ведь если бы этот человек оказался мертвым или умер бы у них на руках, они бы нарушили ясно выраженную заповедь, запрещавшую им прикосновение к мертвому

телу (Лев 21:1–4). Образцом милосердия оказывается нечистый с точки зрения иудеев самарянин, который сам не побоялся осквернения (Числ 19и далее). Учитывая, что Христос рассказал эту притчу в ответ на вопрос человека, старательно соблюдавшего закон, мы видим по-новому смысл самой притчи: следование букве закона может не совпадать с его духом.

ТЕКСТ И ИДЕОЛОГИЯ

На рубеже XX – XXI вв. все чаще стали появляться работы, в которых подыскивается библейская опора для определенной идеологии. В особенности популярными сегодня становятся такие толкования Библии, которые позволили бы угнетенным (или некогда угнетенным) слоям общества почувствовать себя его полноправными членами. Так, в 1960-е гг. в США зародилось феминистское прочтение Библии. Его цели – показать, что Библия была написана в патриархальном обществе, обращавшем недостаточно внимания на мысли и чувства женщин, отказаться от стереотипов мышления, свойственных такому обществу и вернуть женщине должное место в библейских текстах. На практике это выражается, например, в создании особого инклюзивного языка, т.е. «включающего оба пола», на котором следует говорить о Библии. Так, вместо «сыны Израиля» говорится «дети Израиля», поскольку женщины так же входили в их число, а наиболее радикальные сторонники такого языка предпочитают называть Бога не Отцом, но Родителем, или даже просто Матерью.

Другой подобный пример – постколониальное прочтение Библии, которое отказывается от «империалистического» наследия. Например, слова героини Песни Песней (1:5) «черна я, но прекрасна» должны прочитываться «черна я и прекрасна», чтобы не обижать чернокожих красавиц. На самом деле контекст показывает, что речь идет не о расе, а о загаре: девушка должна была много работать на открытом воздухе, поэтому бледные ровесницы из богатых семей могли смотреть на нее пренебрежительно.

На подобную идеологическую моду, конечно, не стоит обращать особого внимания. Однако другие направления современной библеистики оказываются вполне плодотворными и помогают лучше и полнее понять многие страницы Писания. Более того, серьезные (не идеологизированные) научные исследования оказываются, как правило, вполне совме-

стимы с традиционной христианской верой. Да, сами по себе они не указывают путь к спасению, но от них и не следует этого ждать. Зато исследования Библии становятся пространством диалога верующих и неверующих, если они уважают этот текст и готовы не высказывать в нем подтверждение для собственных теорий, а честно и внимательно разбирать, о чем же он действительно нам говорит.

Андрей Десницкий

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН "РУСЬ ГЛУХОНЕМАЯ"

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
- "Изыди, дух глухонемой!" -
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел -
И отрок понимал и слышал.

Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал:

"Сей род упорен:

Молитвой только и постом
Его природа одолима".

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украд твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и в воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот зываем мы: Прииди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: "Бес, изыди!".

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ "У КОСТРА"

Мне видится Каиафы темный двор,
Ночь в Иудее, говор суетливый...
Среди толпы - пылающий костер
И некий муж угрюмый, молчаливый.

Приблизив руки к огненным углям,
Он тщетно душу греет человечью,
Отвествуя докучливым речам
Испорченную иудейской речью:

"Не галилеянин я, люди, нет!"
Плащом покрыта голова седая;
Костер на камни стелет желтый свет,
И медлит ночь, как будто выжидая...

"Не галилеянин я, люди, нет!"
Пропел петух. Зари пылают розы...
Старик встает, уходит, слаб и сед,
Вот оглянулся и глотает слезы.

Отчаянье! Ты человеку в грудь
Палящее свое вонзаешь жало.
О, чья душа хоть раз, когда-нибудь,
Своих святых в слезах не предавала?

О галилеянин! К чужим кострам
Кто в холоде ночи не приближался?
Мы - плоть и кровь твоя, второй Адам!
Кто в оный час с тобой не отрекался?

Расписание богослужений с 4 по 10 июня 2018 г.		
4 июня Понедельник	Мч. Васили́ска	
5 июня Вторник	Обрѣтение мощей свт. Леóнтия, еп. Ростовского	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
6 июня Среда	БЛЖ. КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
7 июня Четверг	ТРЕТЬЕ ОБРѢТЕНИЕ ГЛАВЫ ПРЕДТЕЧИ И КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ИОАННА	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
8 июня Пятница	Прп. Варлаа́ма Ху́тынского	
9 июня Суббота	ПРАВ. ИОАННА РУССКОГО, ИСПОВЕДНИКА	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
10 июня Воскресенье	НЕДЕЛЯ 2-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ, ВСЕХ СВЯТЫХ, В ЗЕМЛЕ РУССКОЙ ПРОСИЯВШИХ	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

ЕСТЕСТВЕННАЯ ВЕРА

Господь Иисус Христос говорил иудеям: «Если бы Бог был Отцом вашим, то вы любили бы Меня» (Ин.8:42). Бога отцом своим имеет тот, кто сердцем верует в Его промыслительное о себе попечение, веруя, что от Него все и в начале, и в продолжении, и в конце. Это именно то, что иные называют естественною верою. Таким образом, естественная вера, по слову Самого Господа, приводит прямо к вере в Него, да не к вере только, но и к любви, к такому сердечному сочтанию с Ним, что и не разлучишь.

КАК ЖЕ ЭТО БЫВАЕТ?

Тревоги совести, страх Божий и страх за вечную свою участь заставят искать Спасителя и Испупителя, а кто ищет, тот и обретает. Вот и вера христианская! Стихи, или начала веры насаждены в душе человека. При неизвращенном и невозмущенном развитии естества человеческого развиваются и они, являются в преобладающей силе между другими раскрывающимися стихиями нашей природы. Естественная вера исповедует не одно бытие Бога, но и ту истину, что все от Него происходит и Им содержится, исповедует все-стороннюю свою зависимость от Него и налагают обязательство угождать Ему исполнением требований совести в надежде на Его благоволение и вечное воздаяние. Кто получит искреннюю веру во все это, тот не может быть свободен от тревог самых глубоких и потрясающих. Чувство зависимости от Бога возбуждает на угождение Богу; совесть указывает способ в удовлетворении своих требований и за то предбещает благоволение Божие и вечный покой. Когда совесть удовлетворена, тогда в ней пребывает глубокий и сладкий

мир, но когда совесть встревожена, тогда чувство зависимости поражает страхом неблаговоления и отвержения свыше и отнимает надежду на вечный покой. А так как никто не в состоянии сохранить совесть свою столь чистою, чтоб она не тревожила, то никто из тех, у кого жива естественная вера, не бывает успокоительно почивающим на своем исповедании. В таком случае всякий естественно ищет средств умиловить Бога, отсюда повсюдные умиловительные жертвы. Но совесть не обманешь. Как вкус различает пищу, так и она истину. Оттого-то, что ни придумывал человек для своего успокоения — ничто не давало ему истинного покоя, а между тем требование истинно-успокоительного умиловления Бога повсюду. Посему-то встретит ли кто проповедь об этом — он с радостью принимает ее и прилепляется всею душою к Умиловителю, Спасителю и Испупителю. Так-то справедливо слово Господне иудеям: «Поелику вы не прилепляетесь ко Мне, то, значит, у вас нет Бога, нет Его для сердца вашего, нет для совести вашей. Совесть спит, и в сердце живут другие интересы». Это применяется и ко всем тем, которые думают основываться на естественной вере. На бумаге написать это можно, но в жизнь этого не проведешь, и потому те, которые толкуют так, толкуют до тех пор, пока не слишком в них живы стихии естественной веры, а лишь только они придут в движение, в силу, человек уже не может удержаться, чтоб не взыскать единого Ходатая Бога и человеков — Господа Иисуса Христа.

ЛОГИКА СОБЫТИЙ

Очень часто приходится читать и слышать: «логика событий, совершившийся факт». Этим, кажется, желают выразить необходимость течения дел человеческих, своего рода фатум,

который можно было бы назвать политическою судьбою. На эту логику указал Гегель, а Бокль на основании ее построил уродливую свою теорию истории, в которой нет места ни Провидению, ни свободе. Немотствовал кое-что на этот лад и у нас граф Толстой в своем большом романе «Война и мир».

Но если есть в событиях логика, то есть и ум, из которого истекает эта логика. А так как эта логика управляет событиями, то ум, от которого она исходит, должно признать правителем событий, или, яснее, умом вседержавным. Вседержавный же ум есть в то же время и всесвободный ум. Если мы для своего бедного ума требуем свободы, та не имеем права не признать всесвободным ума все державного. Если этот ум есть всесвободный и если от него зависит течение событий, то основания причин, или, как говорят теперь, принципов, по коим движутся события, должно искать не в самих событиях, а выше их — во вседержавном, всесвободном уме. Этим объясняется то, почему логика событий, если бы судить о ней по самым событиям, нередко прерывается на полдороге и не доходит до своего заключения. Например, израильтяне перед Черным морем, по логике событий, непременно должны были бы погибнуть, а между тем вышло так, что они очутились целыми на другом берегу, гонители же их остались в море. Сто семьдесят тысяч иноплемеников облегают Иерусалим; надлежало бы погибать ему, но встают утром и видят врагов побитыми, а Иерусалим вне всякой опасности. Ирод распоряжается, избив младенцев вифлеемских, убить вместе с ними и родившегося Спасителя, но Божественный Младенец несколькими часами раньше стал вне угрожающей Ему опасности, и расчет Ирода не оправдался. Вот вам и логика событий!